

«Мравалжамиер». Как Сталин и батумские рабочие праздновали Новый год (версии Берии, Булгакова и рабочих)

Статья посвящена первой редакции пьесы М. А. Булгакова «Батум», которая в авторских черновиках 1938–1939 гг. озаглавлена «Пастырь». В центре исследования — сцена празднования нового, 1902 года, в которой Сталин объявляет своим товарищам, батумским рабочим, что в городе создается комитет Российской социал-демократической рабочей партии. Сцена эта составлена Булгаковым из отрывков воспоминаний грузинских рабочих, которые были опубликованы в 1937 году в книге «Батумская демонстрация 1902 года» под редакцией Л. П. Берии. В статье дается сравнительный анализ фрагментов книги «Батумская демонстрация» и булгаковского текста, значительно переработанного в окончательной редакции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М. А. Булгаков, Л. П. Берия, И. В. Сталин, «Батум», «Пастырь», Батумская демонстрация.

I. V. Gluschenko

MRAVALZHAMIER. HOW STALIN AND BATUM WORKERS CELEBRATED THE NEW YEAR (VERSIONS BY BERIA, BULGAKOV AND THE WORKERS)

This article is dedicated to the first version of Mikhail Bulgakov's play *Batum* which was originally named *Pastor* in the manuscripts of 1938–1939. Special attention is paid to the New Year's party on the eve of 1902, during which the Batum workers are pretending to celebrate but in fact are gathered to hear Stalin announce the establishment of a local committee of Russian Social Democratic Workers Party. Bulgakov based this episode on the extracts from the memoirs of Georgian workers published in 1937 in a book *Batum demonstration of 1902* edited by Lavrenty Beria. Comparative analysis of Bulgakov's texts and these extracts, sometimes included in the play almost unchanged, shows that

the author wrote the whole scene by putting these pieces together. This episode was rewritten and cut much shorter in the final version of the play.

KEY WORDS: M. A. Bulgakov, L. P. Beria, I. V. Stalin, *Batum. Pastor*, Batum demonstration.

Как известно, одним из основных источников, которым пользовался М. А. Булгаков, когда писал пьесу «Батум», и откуда он брал материал, связанный с революционной молодостью И. В. Сталина, был сборник «Батумская демонстрация 1902 года» под редакцией Л. П. Берии, вышедший в 1937 году¹. М. О. Чудакова в предисловии к первой публикации пьесы в 1988 году называет этот том и вовсе единственным источником для писателя [Чудакова: 214]. В булгаковском архиве хранится экземпляр книги² — он содержит подчеркивания, сделанные рукой писателя (а также, по наблюдению М. О. Чудаковой, и Елены Сергеевны [Там же]). Синим или красным карандашами Булгаков выделял интересующие его фрагменты, как правило, факты, даты и фамилии, а в черновой рукописи пьесы³ — указывал страницы книги, где могли находиться важные для него сведения.

О том, почему Булгаков взялся за пьесу о Сталине, написано много и подробно. В задачу данной статьи не входит выяснение мотивов писателя; рассмотрим лишь, как Булгаков работал со своим «первоисточником».

Булгаков начал работу над пьесой 10 сентября 1938 года. Первая редакция пьесы — «Пастырь» — была завершена в январе 1939 года, окончательная редакция, озаглавленная как «Батум», закончена 24 июля 1939 года. Название «Батум», по свидетельству Е. С. Булгаковой, появилось в самом конце работы — 22 июля [Чудакова: 217].

Книга «Батумская демонстрация 1902 года» явилась для Булгакова каноническим текстом. Кличка Сталина «Пастырь» тоже взята из воспоминаний рабочих: сноска к тексту Родиона Коркия: «„Пастырь“ — нелегальная кличка Сталина в Батуми в 1901–1903 гг. — *Ред.*» (I: 110), — подчеркнута писателем.

Батумская демонстрация 1902 года была одним из проявлений общественного подъема, который наметился в России на фоне экономического кризиса и предшествовал первой русской революции. В официальной историографии 1930-х годов это было первое крупное событие, с которого начинается революционная биография Сталина. Книга, изданная под редакцией

Берии, должна была дать окончательную версию этого массового выступления, одновременно зафиксировав руководящую роль Сталина в организации протеста.

Книга богато иллюстрирована; выделяется цветная вкладка «Демонстрация батумских рабочих 9 марта 1902 года под руководством товарища Сталина» (I: 4) (картина художника Аполлона Кутателадзе), на которой молодой Сталин в светлой шинели, бледно-голубом шарфе, с непокрытой головой, ведет за собой толпу рабочих, размахивающих красными флагами. На заднем плане — море и белый парус (Булгаков, перебирая названия для будущей пьесы, придумал и такое: «Штурман вел аргонавтов» (II: 192)).

Книга представляет собой сборник статей, воспоминаний, донесений жандармов и других материалов; эпизоды, связанные с деятельностью Сталина, повторяются разными авторами с разной степенью детализации. Фактически избран тот же принцип формирования канонической истории, что и в Священном писании — особенно это заметно в интересующей нас сцене новогоднего застолья и одновременно тайного собрания революционеров, которая заставляет вспомнить о Тайной вечере.

Как следует из книги «Батумская демонстрация 1902 года», Сталин провел организационное собрание батумского комитета РСДРП под видом празднования Нового года. Сам Берия в статье «Знаменательная дата. Тридцатипятилетие батумской партийной организации» описывает событие сухо и внушительно:

Тридцать пять лет назад, в ночь на 1 января (по старому стилю) 1902 г. под руководством и при непосредственном участии товарища Сталина был организационно оформлен новый Батумский комитет РСДРП ленинско-искровского направления. Едва ли можно переоценить крупнейшее политическое и организационное значение этого факта в истории борьбы большевистской организации Грузии и Закавказья с царским самодержавием. <...>

В ночь на 1 января 1902 г. товарищ Сталин созвал *конференцию рабочих кружков*⁴. Присутствовало около 25–30 человек. В целях конспирации собрание было проведено под видом встречи нового года.

Товарищ Сталин на этом собрании выступал 4–5 раз⁵ с яркими речами о задачах революционной социал-демократии и классовой борьбе рабочих.

Конференция выделила руководящую партийную группу во главе с товарищем Сталиным, которая фактически сыграла роль Батумского комитета РСДРП ленинско-искровского направления (I: 7–8).

Берия как редактор сборника отвечал не только за достоверность описаний, но и за политическую сторону дела. Официальная версия истории партии, созданная самим же Сталиным, к тому времени уже вполне оформилась, и у любого автора партийно-исторических текстов возникала проблема: с одной стороны, текст должен был по возможности соответствовать реальным событиям, с другой — не противоречить официальной интерпретации. И в то же время всякий писавший об истории революционного движения должен был создавать собственное, оригинальное повествование. В некотором смысле проблемы Берии были схожи с проблемами Булгакова, взявшегося за тот же сюжет в конце 1930-х.

Впрочем, прежде чем приступить к анализу текста, следует задаться вопросом: каково происхождение этих воспоминаний? Каким образом собирался материал? Были ли проинтервьюированы участники событий? Кто их спрашивал? На каком языке велась беседа? Сохранились ли «исходники» этих интервью? Кто и как обрабатывал рассказы? Кто и по какому принципу правил эти тексты? Даже если тексты были отредактированы самим Берией, на каком этапе он включился в работу? Вопросы эти, скорее всего, останутся без ответа. Чудакова прямо пишет, что «дело современных историков — проанализировать формы фальсификации, предпринятые в этом сборнике...», однако далее замечает, что, может, это и ни к чему, поскольку

все имена в этом сборнике, в сущности, условны <...> это — единый текст, измышленный целокупно: создавался новый космогонический «миф», в котором не было места авторству [Чудакова: 214].

Позволю себе, однако, дополнить. Тексты все же отличаются друг от друга и намекают на индивидуальность авторов. Внушительный корпус воспоминаний (26 текстов) был необходим составителям как раз для того, чтобы представить максимально правдоподобную картину. Если бы воспоминания рабочих нельзя было отличить одно от другого, полотно получилось бы не таким масштабным. Воспоминания

стилистически разнятся: одни написаны подробно, другие — конспективно, одни сдержанно, другие — цветисто, одни авторы больше заняты фактами, другие — эмоциональными переживаниями.

Пометы Булгакова проливают свет на технологию его работы над пьесой. Они зафиксировали его отношение к тексту, которым он пользуется, не как к источнику... а как к транспаранту, в прорези которого вписываются буквы [Чудакова: 215], —

считает М. Чудакова. Но Булгаков должен был отбирать материал. Его интересует все, что связано с политическим смыслом событий, который от него ускользает, любые свидетельства прямой речи. Кроме того, важно не ошибиться с персонажами: Булгаков подчеркивает все фамилии, которые должны были фигурировать в пьесе; в тетради он чертит таблицы, в графах которых аккуратно (и порой почерком Елены Сергеевны) отмечает, где и когда мог находиться тот или иной персонаж.

Булгаков буквально подсчитывает количество упоминаний, подчеркивает в разных текстах похожие фразы. В первую очередь, его интересуют факты, о которых говорится больше одного раза: чем больше свидетелей и сообщников, тем спокойнее чувствует себя автор. При этом он жадно использует те крохи художественности, которые мелькают в рассказах (в окончательной редакции Булгаков от них почти полностью откажется).

Рассмотрим пять мемуарных текстов, где больше всего внимания уделяется празднованию Нового года. Это воспоминания Котэ Каландарова «Мы боролись под руководством великого Сталина», Порфирия Ломджария «Сталин организовал нас на борьбу с царизмом и буржуазией», Порфирия Куридзе «Товарищ Сталин — организатор борьбы батумских рабочих», «Воспоминания о товарище Сталине» Герасима Каладзе и четырехчастное полотно Родиона Коркия «В ожидании солнца». Все рассказчики придерживаются единой фабульной канвы. В сцене праздника присутствуют обязательные пункты, однако у разных авторов они изложены с разной степенью детализации. Тем не менее можно выделить важнейшие:

1. Участники социал-демократических кружков осознают потребность объединиться в единую организацию.
2. Рабочие договариваются провести собрание под видом встречи нового года в доме Сильвестра Ломджария.

3. Следует описание предпраздничных хлопот и убранства комнаты, собираются гости, перечисляются присутствующие.
4. Появляется Сталин.
5. Гости ужинают, идет спор о том, кто будет тамадой, избирают Миху Габуня.
6. Выступает Сталин.
7. Описывается реакция присутствующих, подводится краткий итог.

В рассказе Каландарова есть почти все составляющие этого канона:

В конце 1901 г. товарищ Сталин решил объединить созданные им рабочие кружки в единую социал-демократическую организацию.

Он предложил под видом встречи нового года провести собрание представителей кружков отдельных заводов.

Собрали с товарищей по два рубля и приступили к закупке продуктов. Собрание назначили в квартире С. Ломджария.

31 декабря с наступлением темноты направились туда. Здесь народ уже собрался.

Все очень обрадовались приходу товарища Сталина.

Сели за стол. Комната была большая. Стол стоял в длину комнаты.

М. Габуня предложил тост за здоровье товарища Сталина, но он отказался и сам взял слово.

За вечер товарищ Сосо говорил приблизительно 4–5 раз. Все его речи носили политический характер. Товарищ Сосо указывал, что в борьбе с царизмом и буржуазией один человек ничего не может сделать, а организованная масса для достижения своих целей сделает все. «Для этого нужно, — говорил товарищ Сосо, — создать рабочую партию и организованно вести борьбу против царя, помещиков и капиталистов. Наша сила — в нашем союзе, и только наше единство может разорвать те цепи, которыми мы связаны существующим строем».

Товарищ Сосо говорил убедительно и проникновенно. Наряду с обсуждением серьезных вопросов товарищ Сосо в этот вечер *много шутил*.

У всех было бодрое настроение, и, несмотря на бессонную ночь, никто не чувствовал усталости. Под утро товарищ Сосо сказал: «Настанет такое время, когда будет свергнут капитализм и у власти станет рабочий класс.

На рассвете с большими предосторожностями мы разошлись по домам.

Булгаков, сочиняя свою сцену, воспользовался этой же конструкцией. Затем наполнил ее содержанием. У Ломджария он берет отрывки из выступления Сталина:

Первое слово на этом памятном собрании взял товарищ Сталин. Говорил он хорошо, прочувствованно: «Взгляните вокруг. Эти пароходы, заводы, все это богатство — разве не создано оно руками рабочих? А рабочему от всего этого не остается даже на кусок хлеба. Он создает, а пользуются другие (I: 38–39 об.).»

У Порфирия Куридзе — описание ужина:

На ужин у нас была колбаса, сыр, грузинский хлеб, мясо и даже торт, в который было вделано маленькое красное знамя с надписью: «Долой самодержавие, да здравствует пролетариат!» Было у нас и вино, но по просьбе товарища Сталина мы пили мало (I: 54–55 об.).»

По версии Куридзе, когда Сталин закончил свое выступление словами: «Мы не должны бояться смерти. Так жертвуем же нашей жизнью за дело освобождения рабочих», — Миха Габуния воскнул: «*Не дай, господи, умереть на своей постели!*» (I: 55 об.). Булгакову понравилась эта фраза, тем более что ее зафиксировали почти все участники событий. В «Пастыре» она звучит так: «Не хочу отныне после твоих слов умереть в постели! Не хочу!» (II: 22); в окончательной версии от нее останется шесть слов: «Я не хочу умирать в постели!»⁶.

Главные слова Сталин произносит перед рассветом. В них провидение того счастливого дня, когда не будет эксплуатации рабочих, классовой борьбы, когда восторжествуют всеобщий труд, радостная жизнь (I: 54–55 об.).»

«*Вот уже и рассветает*, — говорит Сталин в воспоминаниях Герасима Каладзе, — под утро, посмотрев в окно. Пожелаем же друг другу дожить до того дня, когда солнце свободы навечно засияет над нами» (I: 44 об. — 45). Булгаков заменяет рассвет метафорой новой жизни: «Пришел новый год; он несет нам битвы, и он же несет нам новую жизнь... Ты правду сказал, Порфирий... он пастырь... И мы пойдем

за ним туда, куда он поведет» (II: 23 об.). В «Батуме» рассвета не будет; сцена заканчивается пожаром на заводе Ротшильда.

Однако больше всего Булгаков обязан Родиону Коркия — здесь нашлась вся нужная писателю фактура, картина новогоднего застолья со Сталиным во главе предстала во всей грандиозности. Особой нотой ворвалась песня «Мравалжамиер». Поистине, царский подарок драматургу от грузинского летописца. Эту песню в пьесе поют, чтобы замаскировать политическое собрание — в новогоднюю ночь она несется из каждого окна. Писателю оставалось для порядка слегка переписать реплики сопровождающей песню беседы.

Приведем полностью сцену встречи Нового года, как она написана в «Пастыре», и для сравнения дадим фрагменты из текста Коркия.

Ночь. У Сильвестра. Празднично убрано. На круглом столе ствол орешника, украшенный конфетами и яблоками. Большой стол уставлен яствами. Цветы. В комнате невестка, Сильвестр, Наташа и несколько рабочих.

(Ср. у Коркия: «Хозяйка по-праздничному убрала комнату... В одном из углов комнаты, на круглом столе разукрашенный чичилаки⁷... Хозяйка поставила в вазу цветы» (I: 109).)

Сильвестр (*входящему*). Входите, входите, милости просим... I-й. Вот скромное мое вино...

Невестка. Милости просим. За угощение не взыщите...

I-й. Угощение прекрасное... Такого пира и у Ротшильда не найдешь...

Сильвестр. Пожалуй, правда... Садись, садись, будь весел...

(*II-му, входящему*). Входи, входи, друг.

II-й. С новым годом (*невестке*). Вот вам подкрепление (*подаст сверток*).

Сильвестр. И так всего не съедим... Знакомьтесь, здесь все свои.

(Ср.: «Пожалуйста, пожалуйста! — улыбаясь, приглашает гостей Сильвестр. — За угощение не взыщите, бедняцкое.

— Ну и бедняцкое! — смеиваются гости.

— Такого угощения у самого Ротшильда не найдешь.

— Пожалуй, и правда, — соглашается Сильвестр. — Присаживайтесь!» (I: 111).)

(*Невестка у стола хлопчет, устанавливает тарелки.*)

I-й (*рассматривает торт с флажком*). Ишь, здорово!

Невестка. Порфирий делал...

III-й и IV-й (*подходят, читают*). <...> Да сгинет самодержавие, да здравствует пролетариат.

Сильвестр. Не бойтесь... Никто не подслушает. Порфирий на страже стоит... (*входящему*). Входи, Миха, входи, Теофил...

Теофил. Его еще нету?

(Ср.: «— Он уже здесь?» (I: 111).)

Сильвестр. Не беспокойся, будет вовремя. Сказал, что будет без пяти двенадцать, значит, так и будет... Незачем ему раньше на улице показываться...

(Ср.: «Сильвестр. „Сейчас будет, он опаздывать не любит. Всегда минута в минуту приходит“» (I: 111).)

Миха. Правда...

Сильвестр. Да вы, товарищи, что же замолкли? Кто же встречает новый год с серьезным лицом, с нахмуренным лбом?

А что же скажут соседи... Скажут, скучно встречают новый год у Сильвестра... Нужно попеть, пошуметь.

Теофил. Понимаем, понимаем!

(Ср.: «Только вот что, товарищи, повторяю снова: нужно петь, пить, чтоб тамада был, тосты, и пошуметь тоже можно...

Одним словом, встречаю новый год!

— Понимаем, понимаем! — раздались голоса» (I: 111).)

Сильвестр. Наташа, ты бы спела им...

Наташа. Я стесняюсь.

Сильвестр. Нет, ты спой...

Теофил. Надо, надо спеть...

V-й и VI-й. Просим, просим.

Наташа (поет). Луна, луна! Надежда угнетенных... Осмелюсь я, луна моя золотая, спеть о страданиях моих!

III-й. Ишь, стеснялась, а голос ласковый как шелк...

Наташа. Пльви сквозь облако, луна, свети, свети...

(Ср.: «В одном из домов открылось окно, и послышался приятный, мягкий, как шелк, женский голос:

О, луна, луна!

Надежда угнетенных!

Осмелюсь, о, луна,

Рассказать тебе о своих страданиях» (I: 110).)

Сильвестр (*входящему*). Все в порядке, входи!

Теофил. Никогда такого нового года в Батуме не было...

Коция (*осторожно заглянул*). Все в порядке?

Сильвестр. Все в порядке... Входи...

Наташа (*кончила петь*).

Рабочие. Молодец, Наташа... молодец...

Сильвестр. Зови, хозяйка, к столу...

Невестка. Милости просим... Наташа, иди сюда...

Сталин⁸ (*входит, снимает башлык*). Приветствую, товарищи!

Ну что же, не будем терять времени!

(Ср.: «Вслед за Коция вошел молодой человек. Все встали. Приветливые, умные глаза молодого человека точно кому-то улыбались. Когда он снял башлык, черные густые волосы упали ему на лоб; энергичным кивком головы он откинул их назад. Приветствуя всех сразу, он расстегнул пальто и предложил, не теряя времени, приступить к делу. Сердца у всех взволнованно забились» (I: 111).)

Сильвестр. Мы и не теряем... Хозяйка...

Невестка (*вносит суп*).

III-й. Вот, это кстати...

(Ср.: «Хозяйка внесла горячий суп.

— Вот это кстати! — слышались возгласы» (I: 111).)

Сильвестр. Пойдите, товарищи... Надо сменить Порфирия.

Он давно уже томится во дворе. Кто пойдет?

VIII-й. Я пойду. Только дайте мне стакан вина.

Сильвестр. Получай стакан вина и кусок сыру. Поздравляю тебя с новым годом. А чокнешься ты с нами позже.

IX-й (*из внутренней двери*). И мне стакан.

Сильвестр. Получай. И стереги. Теперь садимся... В тесноте, как говорится, и не в обиде...

(*Садятся*.)

Какой же стол без тамады?

Рабочие. Тулумбаша выбрать. Кто тамада?

Сильвестр. Предлагаю Миха избрать.

Миха. Нет, Сильвестра!

Сильвестр. Меня нельзя... Мне, друзья, нужно поглядывать, хлопотать...

Рабочие. Правильно! Миха, Миха!

Миха. Глас народа — глас божий. Налейте же, братья, бокалы.

(Ср.: «— Тамадой предлагаю Миха Габуня.

— Нет, нет, — стал отнекиваться тот. — Тамадой должен быть Сильвестр.

— Миха, Миха давайте! — в свою очередь предложил и Сильвестр. — Мне придется часто выходить, хлопотать, поглядывать.

— Правильно, правильно! — согласились все с ним. — За здоровье Миха!

— «Глас народа — глас божий», — подчинился Миха и, подняв бокал, встал» (I: 111).)

Миха. Глянь, Сильвестр, на часы...

Сильвестр. Без трех минут двенадцать... (в это время вдали послышалось гулко «Мравалжамиер» и входит Порфирий. Ему невестка дает стакан с вином). Слышите? Новый год уже пришел к соседям... Идет он и к нам...

Миха. Слушайте меня! Вот он летит к нам на крыльях ночи новый год. Мы его встречаем в рабочей семье. Что дал нам старый год, мы хорошо знаем. Пожелаем же друг другу, чтобы тысяча девятьсот второй принес счастье...

Сильвестр. Пришел!

Миха. Мравалжамиер!

Все (запели). Мравалжимиер!..

Миха. До дна! Чтобы ни одной (старой) капли не осталось в бокалах!

Коция (Сталину). Ну что же... все налицо... Начинай... (делает знак Михе).

(Ср.: «— Братья, сегодня все встречают новый год. Встречаем его и мы в своем кругу, в своей тесной семье. Что старый год дал рабочим, известно каждому. Пожелаем же друг другу, чтобы новый, тысяча девятьсот второй год принес нам новое счастье и новые победы. В прошлом году мы впервые услышали от товарища Сосо правдивые слова о нашем положении и о том, как устроен этот свет. Помните у Руставели:

Правосудью сделать вольно,
Чтоб и ствол сухой зацвел.

Эту правду принес нам смело наш Учитель. Станем же и мы смелыми! Встретим новый год по-товарищески, с открытой душой.

— Мравалжамиер нашей встрече! Да здравствует Сильвестр!

— Мравалжамиер, мравалжамиер! — раздался торжественный, мужественный напев.

— Все выпили? До дна, пить до дна! — распорядился тамада» (I: 111 об.).)

Миха. Слово для тоста предоставляется товарищу Сосо...

Сталин. Ну что же — тост так тост. Вот и пришел Новый Год...

Пьем за него! Уходит старый год навеки и в этот момент мне хочется, чтобы мы оглянулись вокруг. Что видим мы кругом себя? Несметные богатства, товарищи. Там в порту, на причалах, стоят корабли, близ нас, заводы, заводы⁹... богатство. Богатство! В порту пароходы и чрево их налито бесценной нефтью... Но кроме нефти есть в них и кое-что другое и это другое — человеческий пот и кровь! Кому же принадлежит все это? Нефть принадлежит богачам Манташеву и Ротшильд, а пот и кровь — ваши!

В самом деле: кто создал всё, что мы видим вокруг нас... Это создал ты... и ты... и ты... Все это создано руками рабочих. И что же, пользуется плодами своего безмерного труда рабочий? Нет! Пользуются этим другие, а он за свой непомерный труд не получает порой и корки хлеба! Он не живет, он влачит свою жизнь, как каторжник влачит свои цепи. Почему же создается такой странный порядок? Почему же отдельные жалкие единицы капиталисты присваивают себе то, что создал рабочий? Ведь их немного, а этих подъяремных рабочих тысячи, десятки тысяч?

Причина одна — они не объединены! И не одни они. Пойдемте в село. Что мы увидим там? Там плодоносит земля и вся она принадлежит помещику, но обрабатывает ее крестьянин. Он работает как вол и за это платит помещику подати, платит подати попам, платит государству налог. И этих платящих и работающих множество, там целая армия идет, склоняясь над плугом, а бездельников малая горсть! Почему же такой порядок и там? (Ср.: «Все создается трудом рабочего, но сам он ничего не имеет. Почему? А потому, что добытое его потом и кровью присваивает себе капиталист. Рабочих — десятки тысяч, а капиталистов — единицы. Почему же рабочие живут в порабощении? Потому что они не объединены...

А вот село. Земля принадлежит помещику. Но обрабатывает ее крестьянин и к тому же платит помещику и попу подати, а государству — налог. Крестьян — множество, а бездельников — горсть, — и тем не менее крестьянин угнетен. Почему же это так? Да опять-таки потому, что и крестьяне не объединены... Нефтяная промышленность как будто частное дело Ротшильдов и Манташевых. Но пусть только рабочий попробует не подчиниться их воле! Пусть потребует увеличения заработной платы, или восьмичасового рабочего дня, или даже вежливого обращения — правительство Николая моментально придет на помощь капиталисту.

Если крестьянин посмеет отказаться платить подати помещику — правительство немедленно заступится за помещика. Почему? Да потому что царь сам крупный помещик, потому что нефть дает правительству огромный доход. Правительство — приказчик помещиков и капиталистов!

Что же нужно для торжества рабочего дела? Борьба, борьба с самодержавием!

Что должно служить залогом победы рабочих в этой борьбе? Организация, единение, дисциплина! Тогда легко будет и бороться, и победить...» (I: 111 об. — 113.)

(Послышались смутные голоса.)

Рабочий (дежуривший) быстро появляется.

Чужие ходят, чужие! (скрывается).

Рабочий *(появляется из внутренних дверей). Кто-то идет!.. (скрывается).*

Порфирий (припадает к окну).

Сильвестр. Молчи!.. *(рабочим)* Здоровье Миха... Здоровье тамады! Аллаверды!

Теофил. Да здравствует новый год!

Наташа *(тронув струны).* Мравалжамиер!

Все *(запели).* Мравалжамиер!

Рабочий *(входит).* Прошли... Все спокойно!

(«Мравалжамиер» прекращается.)

Сильвестр. Сменяй его. *(На смену уходит один из рабочих.)*

Сталин. Такой порядок там, потому, что крестьяне так же, как и рабочие, не объединены. И пока они не объединятся, тьма будет беспросветной, а положение безвыходным. Пусть отдельные группы рабочих попробуют не подчиниться воле Ротшильдов и Манташевых, пусть крестьянин откажется принести свою подать помещику, он не добьется успеха, потому что заступится за помещиков и заводчиков иная сила — правительство Николая. Произойдет это потому, что царь сам крупный помещик, он сам капиталист, а правительство его приказчик помещиков и капиталистов. И этот приказчик раздавит необъединенного рабочего. Но без боя с самодержавием нам не жить, без боя нам не увидеть жизни. И этот бой ему придется дать. Кто победит в этом бою? В нем неизбежно победит рабочий класс, лишь только объединится великая сила, лишь только явятся организация, единение и дисциплина. Тогда затрещит самодержавие в руках этой силы и рухнет и увидит рабочий и крестьянин свет настоящей жизни! Я пью за этот день, товарищи! Вот вам мой новогодний тост!

(грянул аплодисмент)

Рабочий. Здоровье того, кто принес нам эти слова, здоровье товарища...

Канделак. Не надо называть, не надо...

Сильвестр. Нет, нет, погоди... Эй, тамада. Тост за хозяйку!

Миха. Прошу прощения! Наш пир немного необычен, а то мы выпили бы и за вас, как полагается, в первую очередь. Да здравствует человек, не оставляющий нас ни в горе, ни в радости! Да здравствует боевая женщина, женщина товарищ! Да здравствует наша хозяйка!
(Ср.: «— Эй, тамада, тост за хозяйку!»)

— Прошу прощения! — обратился к ней тамада. — Сегодня у нас не совсем обычный пир, а то за вас бы мы выпили, как это и полагается, в первую очередь. Братья, да здравствует человек, не оставляющий нас ни в горе, ни в радости. Много на свете жен и матерей, но боевых товарищей-женщин — мало. Выпьем же за такую редкую женщину! Да здравствует наша хозяйка!» (I: 113 об.)

Невестка. Спасибо за честь.

Все. Мравалжамиер!

Порфирий (*Сталину*). Ты не хотел, чтобы пили за твоё здоровье, а мне никто не воспрепятствует выпить... Скажи мне, где ты был раньше? Где ты был, наш пастырь? Они говорили, что батумские рабочие темные, отсталые...¹⁰

Миха. Штрафую Порфирия! Неподчинение тамаде!

Все. Неподчинение тамаде!

Сильвестр. Тише!

Сталин. Будут жертвы... Это знаете... Но нам придется принести их, чтобы не было жертв худших и больших. Но если кто-нибудь падет в борьбе с тьмой, унижением, несправедливостью, грабительством, он падет с сознанием, что миллионам людей он помог подняться с тернистого пути, помог трудовому народу, подобно Прометею, разорвать вековые цепи и выйти к солнцу!

Миха. Не хочу отныне после твоих слов умереть в постели!

Не хочу!

(Ср.: «Все равно, подобно Прометею, трудовой народ разорвет цепи и сбросит в пропасть всю эту нечисть!

Уверенность, надежда, мужество охватило присутствующих.

Миха Габуния не выдержал, вскочил с места и воскликнул:

— Отныне не дай мне бог умереть дома, в своей постели!»

(I: 114.)

Сильвестр. Сменяй его! (*смена*)

Рабочий. Эх, пастырь, наш пастырь! Не рано ли собрались мы сбросить венец с царя?.. Эх, если бы сбылось это!

Сталин. Ты доживешь.

Рабочий. Тише! Тише!

Сильвестр. Порядок!

Сталин. Он скоро упадет. Венец его упадет в прах. Ты это увидишь. А если я доживу, ты выпьешь со мною стакан вина. Согласен?

Рабочий. Согласен!

Сталин (*Михе*). Дай мне слово, тамада!

Миха. Даю.

Сталин. Товарищи представители рабочих нелегальных социал-демократических кружков... Мы все здесь в сборе?..

Канделаки. Все...

Сталин. Итак, я предлагаю вам, собравшимся на эту конференцию, приступить к нашей организации. Организация должна иметь руководящий центр. Нам необходимо мужество, и также необходимы осторожность и большая конспирация, чтобы не погубить дело. В руководящий этот центр должны войти лучшие, надежнейшие, отборнейшие товарищи. Этот центр будет называться комитетом Батумской организации российской социал-демократической рабочей партии и является руководителем нашей начинающейся борьбы. Он будет того направления, о котором я вам уже говорил — он будет ленинского направления (*аплодисменты*). Называйте имена. (Ср.: «— Организация должна иметь руководящий центр. Необходимы крайняя осторожность и большая конспирация. Однако осторожность и конспирацию не следует понимать как трусость. Осторожность и мужество — вот что нужно. В руководящий центр должны войти отборные товарищи. Он будет называться комитетом Батумской организации РСДРП и являться организатором и руководителем нашей борьбы. Комитет мы выберем сейчас» (I: 113 об.))

Сильвестр. Тихо, тихо... Наташа, поиграй, запой... и вы запойте...

Миха. Сосо...

Миха. Сильвестр...

Рабочий. Канделаки...

Наташа (*и некоторые*). Мравалжамиер... Мравалжамиер!..

Сильвестр (*тихо*). Итак, да здравствует батумский комитет и его руководитель, наш дорогой учитель!..

Рабочие. Да здравствует... (*запели*). Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...

Сильвестр. Тише, тише...

Сталин. Мы сделали сегодня все, что могли, так запоем же...

Будем пировать и петь Хасан-Бегура...

Все (*запели «Хасан-Бегура»*).

(Ср.: «И тихими, приглушенными голосами, чтобы не слышно было за стенами, собрание запело:

Отречемся от старого мира,

Отряхнем его прах с наших ног...

Песня точно пригнулась, затаила дыхание.

— Эх, если б можно было в полный голос! — и с досады сжимались кулаки.

— Хасан-Бегура! — сказал Сосо, и понеслась дозволенная песня» (I: 114).)

Сильвестр. Пришел новый год; он несет нам битвы, и он же несет нам новую жизнь... Ты правду сказал, Порфирий... он пастырь... И мы пойдем за ним туда, куда он поведет (II: 16 об. — 23 об.).

(Ср.: «Ночь на исходе. Пропели петухи. Небо вдали посерело. Свет лампы стыдливо тускнел. Первый луч проник в комнату, скользнул по портрету Руставели и остановился на Сосо.

Сосо встал, взял стакан и обратился к собранию:

— Вот уже рассвело! Скоро встанет и солнце. Это солнце будет сиять для нас. Верьте в это, товарищи!

Небо алело.

В пламенеющих лучах шествовал новый год» (I: 114 об.).)

Сопоставление текстов показывает, что расходятся они минимально.

Сочинение Родиона Коркии (за неимением доказательства противного, сохраним авторство за этим человеком, как это указано в книге под редакцией Берии) написано в жанре эпической поэмы и перо рассказчика движется легко. Булгаков в начале работы над «Пастырем» стиснут рамками бериевской книги. В булгаковском тексте возникает противоречие. С одной стороны, не случайно центральной сценой «Пастыря» оказывается именно празднование Нового года, благодаря чему весь сюжет приобретает характер сказочного события, где не очень важны политические расклады и можно сосредоточиться на символических образах борьбы добра со злом. А с другой стороны, опасения что-то перепутать не позволяют писателю свободно погрузиться в сказочную стихию. Авторская неуверенность в подаче фактов, их интерпретации связана не только со страхом перед главным читателем и главным героем, но и с тем, что писателю чужды проблематика и содержание описываемых событий.

В отличие от многих писателей, составлявших тогдашнюю литературную среду, Булгаков не имел, по-видимому, никакого представления о быте революционного подполья, о технологии этой деятельности. Для него это была в точном смысле слова экзотика [Чудакова: 216], —

пишет М. Чудакова. Действительно, при чтении «Пастыря» кажется, что даже Пилат и Воланд Булгакову ближе, чем

люди, которые собираются на встречу Нового года у Сильвестра. Черновики писателя и пометы на страницах «Батумской демонстрации» выдают то, что он, возможно, довольно смутно понимал, кто такие социал-демократы и за что они боролись. В пьесе Сталин защищает права рабочих и протестует против самодержавия. Всевозможные дискуссии, которые велись среди социал-демократов в 1900-е годы, остаются за рамками произведения, включая даже назревавшее размежевание меньшевиков и большевиков, которое отражено лишь во фразе Сталина о «ленинском» направлении будущего комитета. Однако, в чем состоит это ленинское направление, читатель так и не узнает. Впрочем, и Берия не растолковывал это. Эти опасные моменты лучше было не трогать.

В 1902–1903 годах происходит становление российской социал-демократии, когда сторонники газеты «Искра», которую издавали В. И. Ленин и Ю. О. Мартов, будущие лидеры большевиков и меньшевиков, пытались навести порядок среди разрозненной и разношерстной публики, составлявшей марксистское подполье в России, превратив его в более или менее упорядоченную организацию. Сталин с его склонностью к аппаратной работе был здесь незаметен. Но в тексте «Пастыря» почти не видна деятельность Сталина как практического политика и организатора. Берия тоже старается не вдаваться в подробности. Правда, Берия пишет про «ленинско-искровское» направление (Булгаков на всякий случай убирает второе слово, а следовало бы убрать первое). К середине тридцатых это понятие установилось в советской исторической литературе, но в 1902 году говорить такими терминами было невозможно. Ведь и псевдоним Ленин был не окончательным (у Владимира Ульянова было много псевдонимов), и «искровское» направление ассоциировалось скорее с куда более известным тогда Плехановым. В реальной жизни Сталина эти дискуссии играли большую роль, даже если он не был их активным участником. Изучая взгляды, высказывавшиеся Плехановым, Лениным, Мартовым и другими социал-демократами старшего поколения, молодой грузинский революционер определял, к какой группировке примкнуть.

В окончательной редакции пьесы писатель решительно сократит и переделает сцену встречи Нового года. Что останется в ней от черновой версии?

Деревцо орешника, убранное яблоками и конфетами, глухое пение «Мравалжамиер», шелковый, как ткань, голос

Наташи, песня «Хасан-Бегура» и восклицание Михи «Я не хочу умирать в постели!».

Вместо длинной речи о бедствиях трудящихся Сталин в «Батуме» веселит всех сказкой о драконе и украденном солнце («Сталин много шутил...»).

Вся политическая составляющая сконцентрирована в выборе руководящего центра батумской организации РСДРП. Сталин строго напоминает: «Мы знаем уже все и твердо все это запомним, какого он будет направления. Он будет ленинского направления». Булгаков, проделавший огромную работу по отбору материала, фактически возвращается к сухим формулировкам Берии.

Поэтический Коркия был отброшен, как отброшены и остальные подручные писателя. Последнее слово осталось за Лаврентием Павловичем.

Сцена празднования Нового года в «Батуме» заканчивается пожаром на заводе Ротшильда, где Булгаков пять раз повторяет слово *тушить*.

— Братцы, это Ротшильд горит!

— Надо помогать тушить!

— Как же не тушить?

— Тушить?

Сталин. Конечно, тушить. Всеми мерами тушить.

Вопрос, почему Сталин отверг «Батум», до сих пор занимает исследователей. А. М. Смелянский, например, уверен, что из-за опасных и издевательских намеков [Смелянский: 348]. Но что если с высоты прошедших лет, мы сейчас вчитываем эти намеки туда, где их не было?

Выскажу предположение. Сталину не понравилась пьеса. Не понравилось, как Булгаков о нем написал.

В повести Леонида Зорина «Юпитер» есть внутренний монолог Сталина, адресованный Булгакову. Разумеется, это литературное произведение, вымышленное от начала до конца. Но, возможно, реконструкция мыслей Сталина не так уж произвольна:

Немирович-Данченко даже сказал, что «Батум» неплох.

И в самом деле, разве он хуже чем та же пьеса Нахуцришвили¹¹ о моей юности? Даже лучше.

Но ты ведь не тифлисский ремесленник. Если ты так оберегаешь свою бесценную репутацию, изволь соответствовать

ее уровню. Не смог. Безжизненные слова. Не то что нет крови — ни цвета, ни запаха. «Я послан тифлисским комитетом, чтобы поднять батумских рабочих на борьбу...» Скука. У Шиллера бунтари и мятежники разговаривали совсем иначе [Зорин: 447].

Сравнение с «Разбойниками» Шиллера здесь не случайно. Можно предположить, что от Булгакова, раз уж он взялся за такую тему, Сталин ждал пьесы уровня Шиллера. Однако был разочарован.

Примечания

1 Батумская демонстрация 1902 года / под ред. Л. П. Бери[и]. [М.]: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

2 ОР РГБ. Ф. 562. К. 22. Ед. хр. 1. Пометы на книге «Батумская демонстрация 1902 года». Ссылки на документ даны в тексте статьи в круглых скобках по образцу: (I: 14), где римская цифра (I) обозначает вышеуказанный источник, а арабская — номер листа архивного дела.

3 ОР РГБ. Ф. 562. К. 14. Ед. хр. 7. «Батум» [«Пастырь»] — пьеса. Первая редакция. 1938, сент 10 — 1939, янв. (Отдельные фрагменты, не цитируемые нами в настоящей статье, содержатся также в документе: ОР РГБ. Ф. 562. К. 14. Ед. хр. 8.) Опубликовано в изд.: М. А. Булгаков. Пьесы 1930-х годов. СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 499–546. Здесь и далее текст приводится по архивному источнику, ссылки на который даны в тексте статьи в круглых скобках по образцу: (II: 14), где римская цифра (II) обозначает вышеуказанный архивный источник (ОР РГБ. Ф. 562. К. 14. Ед. хр. 7), а арабская — номер листа архивного дела.

4 Здесь и далее в цитатах из данного архивного источника подчеркивания рукой М. А. Булгакова или Е. С. Булгаковой обозначены курсивом.

5 Ср.: у Котэ Каландадзе: «За вечер товарищ Сосо говорил приблизительно 4–5 раз. Товарищ Сосо говорил убедительно и проникновенно» (I: 36–37).

6 Здесь и далее ссылки на текст окончательной редакции пьесы приводятся по изданию: *Булгаков М. А. Батум // Собр. соч.: В 8 т. СПб.: Азбука-классика, 2004. Т. 7. С. 305–376.*

7 Булгаков пишет о стволе орешника, украшенном «конфетами и яблоками». Он берет объяснение из сноски. Коркия же просто обходится словом «чичилаки».

8 Булгаков, вслед за Берией, называет персонажа Сталиным, в то время как герои пьесы называют его Сосо.

9 В публикацию ранней редакции (см.: *Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов...* С. 508) вкрадется ошибка: вместо «заводы, заводы» напечатано «звезды, звезды».

10 Реплика Порфирия: «Где ты был раньше, наш пастырь? Они говорили, что батумские рабочие темные, отсталые», — точно выражает настроение собравшихся, описанное Коркией: «Непонятым чувством наполнялась грудь. Жизнь точно разделилась надвое...»

11 Имеется в виду пьеса Г. Нахуцришвили «Юность вождя» (1952). См.: РГАЛИ. Ф. 2452 (Всесоюзное управление по охране авторских прав (ВУОАП)). Оп. 3. Ед. хр. 352.

Литература

Зорин Л. Г. Юпитер // Проза: В 2 т. М.: Время, 2005. Т. 2. С. 355–512.

Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1989.

Чудакова М. О. Первая и последняя попытка (пьеса М. Булгакова о Сталине) // Современная драматургия. 1988. № 5.